

ширной сцене, занимающей большую часть четвертой песни (по 2-му изданию). Представив всех трех иноплеменных послов, поэт с эпической широтой рисует красочную картину совета, созванного Владимиром для того, чтобы «веру лучшую из многих вер избрать», если гости подобающим образом разъяснят ему сущность своих религий.

Херасков при этом весьма отклонился от летописных сообщений. Взятые из них мотивы он подверг свободной обработке, руководствуясь задачами и потребностями своей поэмы. Он не только заставляет одновременно выступить всех послов на совете, но и в самое обсуждение, основанную на летописных материалах, вносит новые мотивы и аргументы, отражающие взгляды его эпохи.

Подобным же образом поступал в большинстве случаев и Гавличек в своем «Крещении св. Владимира». У него в десятой песне тоже «сбегаются в Киев» все чужеземные послы, участники «конкурса», объявленного на замещение вакансии бога. Правда, здесь не дана картина их общей аудиенции на киевском дворе, но по тому, как каждый из них читает перед Владимиром текст своего послания и по тому, как они ссорятся друг с другом, возникает полная иллюзия их встречи.

Чешского сатирика объединяет с русским писателем сходное критическое отношение к представителям римской церкви, которых Херасков упрекал в лукавстве, хитрости, стремлении править всем миром, в чрезмерной любви к золоту. Оба автора, в отличие от летописей, взяли под прицел прежде всего римского папу. У Хераскова оратор Латинцев пространно восхвалял всемогущество «пастыря над Тибром», о котором поэт уже до того говорил, что он, «отвергнув рубищи, порфирию облекся». Гавличек шел в своих хлестких насмешках еще дальше. Как только в восьмой песне его сатиры был объявлен конкурс на освободившееся место бога, первыми откликнулись на это римские кардиналы. Один из них сразу же побегал в Ватикан, чтобы сообщить папе сенсационную новость: «Святой отец, как только вскочил, || Был еще в рубашке, || Повелел, чтоб иезуиты || Собирались на Русь». Естественно, что в летописях нет упоминания об одежде папы. Если у Хераскова он, «отвергнув рубищи, порфирию облекся», то у Гавличка кардинал застал его еще в постели, «в рубашке».

Всю девятую песнь Гавличек посвятил «иезуитскому маршу», который распевали иезуитские послы на пути из Рима в Киев. У Хераскова прибытие иноземных послов было сразу же замечено: «Тогда молва гласит гремящею трубой, || Что видит трех мужей под градскою стеной, || Грядущих ко царю мужей иноплеменных, || В Россию веры их восставить устремленных».⁸ Вместе

⁸ Эпические творения Михаила Хераскова, ч. II. Изд. 2-е, исправленное, пересмотренное и дополненное, М., 1787, стр. 40. Это единственное издание, имеющееся в пражских библиотеках, содержит 15 песен. Далее ссылки на страницы этого издания даются в тексте.